

Глава XXX

Другая ночь с Дёрдльсом

Если когда-либо душевная скорбь отражалась ясно и отчётливо на лице человеческом, то это было на лице Джона Джаспера; и если следовало судить о его горе по наружным признакам, то мучения его должны были быть действительно ужасны после утраты племянника, так как впалые, блуждающие глаза, мёртвая желтизна лица и постоянный вид изнурения ясно свидетельствовали о сём. И так, Музыкальный Учитель, казалось, изнемогает под тяжким бременем неизвестности и тоски, а помочь ему никто не мог.

Расставшись с Фопперти после свидания своего с ним в кофейне, Джаспер немедленно вернулся в Клоистергэм и прямо отправился со станции к себе, не встретив по дороге никого знакомого, кроме Мистрисс Топ. Эта человеколюбивая лэди чуть не упала навзничь от испуга, посмотрев на него, вследствие чего и посвятила целый вечер на различные визиты по соседству к кумушкам и приятельницам, дабы каждой из них и поочередно доверить свои опасения насчет любимого постояльца, неизменно повторяя при этом одну и ту же фразу:

«Как мог он еще, несчастный страдалец, держаться на ногах!»

Между тем «страдалец», заперевшись в своей комнате, прогуливался прерывистыми шагами вокруг нее и, заложив руки за спину, казалось, глубоко размышлял. Наконец, Джон Джаспер останавливается против портрета маленькой Розы над камином и вперяет в изображение ее мгновенно загоревшийся, как раскалённый уголь, взгляд.

«О, когда бы я только мог, – думает он, – выкопать этого желтокожего демона, ставшего между ею и мною!.. Она любит его... Я уверен в том... Показал бы я ему, чего стоит всякому стать на пути Джаспера... И она знала это... Да, знала, я предупреждал её... тогда, как она стала свободна... О! когда освобожусь я от этих адских терзаний!»

И, ломая руки в бессильном отчаянии, он бросается на диван.

Долго и неподвижно лежит Джон Джаспер, и ночные тени окутывают уже Минор-Канонский Угол, когда он медленно приподымается. Вокруг него все так безмолвно и тихо, что малейший шорох как бы удесят�еряется, раздаваясь в ушах его. Почему вздрагивает он так испуганно, оглядываясь беспрестанно вокруг себя, как бы боясь увидеть какой-нибудь страшный предмет? Почему бледнеет он, услышав жалобный крик совы, перекликающейся с самцом своим на темной вершине старой Кафедральной Башни? Он встает и начинает снова ходить по комнате так тихо и осторожно, что можно подумать, будто бы он боится услышать звук собственных шагов, останавливаясь и прислушиваясь к каждому малейшему шороху.

Минуту спустя он зажигает лампу и подымается с нею по внутренней лесенке в свою спальную. Отворив стенной шкаф, он вынимает из него грязную, сильно поношенную шляпу, большие толстые сапоги и старое пальто и, передевшись, тушит лампу и осторожными шагами выходит на улицу.

На дворе уж совершенно стемнело и на лестнице царствует такой мрак, что Джаспер принужден сходить ощупью, держась за перила. Дойдя до улицы, он постоянно оглядывается и, не видя никого, направляется к жилищу Дёрдльса.

Приблизясь к знакомой ему двери внутри городской стены, служащей квартирою Мизантропическому Каменщику, Джаспер сперва отходит на несколько шагов назад и опять осматривается. Не слыша ни малейшего звука и не видя никого, он возвращается и, прислушавшись несколько минут у двери, чтобы лучше убедиться, что у «Каменного» нет гостей, он стучит, тихо зовя Дёрдльса по имени.

Дверь отворяется, и Каменщик рисуется в амбразуре, освещенный тусклым пламенем сального огарка, приклеенного на опрокинутой урне одного из неоконченных надгробных памятников, украшающих комнату хозяина. Дёрдльс имеет вид человека только что разбуженного от сладкого сна, так крепко протирает он себе глаза и, протерши, смотрит на Джаспера, как бы не совсем узнавая его.

Этот неопределенный, но пристальный взгляд действует на нервы Джаспера, и Джаспер нетерпеливо восклицает:

«Кажется, что нетрудно меня узнать, коли только вы не пьяны!»

«Разве Дёрдльс объявлял, что не узнал вас? – отвечает обидчивый «Каменный». – Кажись, не много есть тут, чему удивляться, что Дёрдльс после долгого рабочего дня заснул, да не выспавшись и снова взбудораженный стуком в дверь не принимается плясать перед вами на задних лапах. Дёрдльс знал, что не много ему придётся заснуть *после* вашего прихода, так он и всхрапнул *до* него».

Джаспер, чувствуя, что промахнулся, принимает примирительный тон:

«И хорошо сделали, Мистер Дёрдльс, очень хорошо, что выспались заранее. Не то легко могло бы со мною случиться то же, что и в первое наше путешествие в подземелье, – добавляет он, принужденно смеясь. – Помните, как вы заснули там мёртвым сном, и я, оставшись один, не видал и половины того, что желал бы видеть...»

Должно быть, заранее было определено судьбою, что Джасперовские замечания должны оказываться не попад в этот вечер. Дёрдльс, приняв эти слова за упрёк, раздражается еще более и, стукнув так сильно кулаком по памятнику, что нагоревшая свеча расплывается и заранее орошает надгробный монумент горячими сальными слезами, ворчит со злостью:

«Так кто же виноват в том, что бутылка оказалась крепче, чем я думал? Разве Дёрдльс, по-вашему, сам делал эту водку, что ли?»

«Нет, нет! – спешит успокоить его Джаспер, игриво улыбаясь и трепля разъяренного Каменщика по плечу. – Только Дёрдльс пил её и выпил немного больше, чем следовало бы. Ну, сегодня я уж сам понесу бутылку... Готовы ли вы?»

Дёрдльс, отвечая одним презрительным молчанием, берет с запыленной полки запыленный сюртук и начинает облекаться в оный. Потом, сняв с гвоздя ключи и захватив свой обеденный узел, готовится идти. Но Джаспер останавливает его, прося передать ему бутылку, горлышко которой выглядывает из узла. Молча вынимает её Дёрдльс и отдает также молча на сохранение. Выйдя из двери и в то самое время как Каменщик готовился было запирать её, Джаспер вдруг замечает, что он обронил свой карандаш, и, зажигая снова огарок, возвращается в комнату, оставляя Дёрдльса ожидать его на дворе. Не пьяная ли то иллюзия, воображение ли то или действительность, но Дёрдльс готов поклясться, что в то время как Регент низко наклоняется к полу, ища потерянный предмет среди каменного сора, бутылка, любимица его, блестит в полумраке как бы откупоренная и вновь закупоренная Джаспером тайком от него? Стоя неподвижно среди могильных белых камней, Дёрдльс злобно оскаливается, а тень его фантастически пляшет на памятниках при мерцании передвигаемого Регентом огарка, как будто тень какого злого духа выскочила погулять из этих будущих жилищ Клоистергэмских мертвецов.

«А, вот и нашел, – восклицает Регент, – я так и знал, где найдти его. Ну, теперь идём!»

И, потушив свечу, они уходят.

«А ведь почти что с год уж прошло, как мы ходили туда... к “Костлявым”», – замечает Дёрдльс, который снова почему-то развеселился.

Джаспер не отвечает, и они идут далее. Приближаясь к Собору, тень древнего здания расстилается, как какое гигантское чёрное чудовище, на окружающей его поляне и ложится поперек дороги их, как будто желая помешать им идти далее. Дёрдльс, впадая в обычное ему мрачное расположение духа, замечает ворчливо Джасперу:

«Дёрдльс надеется, сэр, что на этот раз вы осмотрите всё, что хотите осмотреть, так как эти ночные прогулки вдвоём не по душе Дёрдльсу».

«Очень жаль, что не знал этого прежде, – отвечает Джаспер, – но обещаю вам впредь не тревожить вас более».

После небольшой паузы Дёрдльс продолжает:

«Я прозяб-таки немного на ночном воздухе. Передайте-ка мне бутылочку на минуту, авось согреюсь».

«Погодите немного, не теперь еще. Когда взойдём в подземелье, тогда и хлебнёте из нее. Там будет еще больше сырости».

Дёрдльс не отвечает, но заблудший в листьях луч озаряет ту же сатанинскую улыбку на устах его прямо за спиной Джона Джаспера.

Наконец, дверь подземелья раскрывает черную пасть свою, и, зажигая фонарь, они входят.

«Чу!.. – испуганно шепчет Регент, останавливаясь. – Слышали вы как будто шорох шагов...»

«Каких там шагов? – говорит Дёрдльс. – Просто-напросто шорох листьев на деревьях. Часто слышал я эти шорохи да поглядывал в оба, полагая, что, может, то “Костлявые”, которым хотелось бы пуститься со мною вперегонку. Да нет, ничего из этого не выходило. А есть-таки одно привидение, – продолжает он, зорко поглядывая на Регента, – есть одно, которое бы мне весьма желательно было видеть и от которого бы Дёрдльс уж наверное не убежал, встретить он его днём либо ночью... Нет, не убежал бы».

Они проходят теперь один из длинных подземных коридоров, ведущий в монашеский склеп. Дойдя до железной двери, Дёрдльс объявляет, что ему физически невозможно сделать более ни шагу вперед без своей бутылки.

Заметив, что Джаспер колеблется, он восклицает в более энергичных, нежели изящных выражениях, что «черт его отдери, если он, Дёрдльс, выставит один башмак вперёд, коль не хлебнёт прежде из любимицы!».

«Пожалуй, – отвечает Джаспер, – вот она, ваша бутылка, только не повторите прежней штуки со мною, прошу вас».

Дёрдльс ставит фонарь на землю и уже приложил бутылку ко рту, когда Регент останавливает ему руку с следующими словами:

«Одну секунду, погодите, вы сейчас говорили про чьё-то привиденье, которое желали бы встретить. Вы не сказали кого. Скажите теперь».

Дёрдльс, не отымая бутылки от губ, отвечает, не оборачиваясь:

«Вашего племянника – Эдвина Друда».

Страшный крик вырывается из Джасперовских лёгких, и эхо повторяет его с глухими перекатами во всех углах свода, а сам Джаспер тяжело опирается на Дёрдльса, чтоб не упасть.

Дёрдльс, который оказывается что-то уж слишком пугливым на этот раз, бросает вокруг себя боязливые взгляды и, обернувшись к Регенту, спрашивает его:

«Ну, а это-то что же значит?»

Джаспер, опомнившись, объясняет ему, что, вероятно, сырость подземелья обхватила его, так как ему словно ножом кольнуло в плечо, и в первую минуту он не смог удержаться, чтоб не вскрикнуть от боли.

«Надеюсь, что я не испугал вас!» – добавляет он, глядя на Дёрдльса.

«Когда Дёрдльс¹ спужается, так уж это будет от чего-нибудь такого, чего еще никто в целом мире не видал».

И достойный джентльмен снова вступает в интимную беседу с бутылкой, но только отвернувшись уж от Джаспера и отойдя на несколько шагов, чтобы не быть прерванным им, вероятно.

Теперь они отправляются далее и сходят по полуразваленным ступеням в кладбищенскую подземную капеллу², Джаспер всё время не спуская глаз с Дёрдльса, а последний сильно пошатываясь и тяжело опираясь на Музыкального Учителя. Дойдя до последнего поворота, Каменщик валится на землю и Джаспер едва успевает выхватить из рук его выроняемый им фонарь.

Поддерживая Дёрдльса одной рукой, он ставит фонарь на землю и тихо опускает мертвецки пьяного товарища на холодные мраморные плиты. Потом, поднося фонарь к лицу храпящего, уверившись в сне его, он замечает про себя, странно улыбаясь:

«Боюсь, дорогой Мистер Дёрдльс, что и *эта* водка оказалась слишком крепкой для вас!»

И, бесцеремонно перевернув спящего с боку на бок, он опускает руку в его карман и, вынув оттуда ключи, берёт фонарь и отправляется далее.

¹ Далее зачеркнуто: *чего*.

² Капелла – тип католического строения; храм, который входит в состав какого-либо учреждения, жилища или же является частью большего храма; на русский язык обычно переводится словом «часовня», что не верно, так как капелла в отличие от часовни имеет алтарь, то есть предназначена для совершения богослужения.

Выйдя из капеллы, он отворяет с помощью ключей другую железную дверь, ведущую в другую часть крипты³, и, высоко держа над головой фонарь, осторожно продолжает путь, озираясь во все стороны. Дойдя до восточной части склепов, он минует целые груды разломанных могильных камней и останавливается возле самого дальнего угла коридора.

Снова подняв высоко над собою фонарь, он⁴ медленно озаряет светом все темные углы и, убедившись в том, что он один, становится на колени и начинает шарить рукой под толстым слоем известки и мусора. Встретив под рукою железное кольцо, он напрягает все силы и открывает вход в один из склепов.

С этой минуты движения его делаются чрезвычайно быстрыми, а им самим овладевает сильная нервная дрожь. Но всё-таки всё внимание его сосредоточивается на какой-то цели. Сойдя несколько ступеней вниз, он находится в четверугольном старинном склепе, более столетия, быть может, возвратившего покоившиеся в нём так долго скелеты, так как оба саркофага его пусты. Подойдя к одному из них, Джаспер бросает какой-то странный, полный любопытства и вместе с тем ужаса взгляд на него и заглядывает вовнутрь. Напрягая зрение всё более и более, он начинает раскапывать дрожащею рукою лежащий на дне его мусор, как бы ища чего-то, и снова подымает фонарь и пристально осматривает внутренность саркофага, не забывая ни малейшего уголка. Затем с побледневшим лицом и синими, как у мертвеца, губами он начинает дрожать с головы до ног; чувствуя, что готов выронить из рук фонарь, он поспешно ставит его в угол против входа и, падая на колени, закрывает лицо руками.

«О, Боже, Боже мой! – лепечет он, бросая вокруг себя безумные, полные невыразимого ужаса взгляды. – Что, о... что это значит?..»

Но Джаспер поддается подобной слабости не более минуты; с непонятным присутствием духа и как бы вдохновляемый новой, мгновенно озарившей его мыслью он быстро вскакивает на ноги, хватая фонарь и, поднявшись по ступеням, вылезает из склепа.

Поставив фонарь на высоко вздымающуюся у входа груды камней, он принимается за плиту, намереваясь заложить ею снова отверстие склепа, но принуждён очистить её сперва от мусора, наваленного им самим в поспешности. Приподнявшись, он протягивает снова руку к фонарю, когда глаза его встречают зрелище, от которого вся кровь его мгновенно остывает в жилах, а сердце перестает биться... Перед ним весь окутанный, кроме лица, белым саваном стоит высокая фигура, и он узнает – Эдвина Друда! Высоко воздымаются над головою Джаспера⁵ его дрожащие руки, всё тело его порывается вперед и, с нечеловеческим усилием сделав один шаг к⁶ столь знакомой ему тени, неподвижно вперившей в него глаза, он шепчет умирающим голосом: «Умилосердись! Сжался! Сжался!», и с этими словами падает без чувств на каменный пол к ногам того, кто стоит перед ним.

В это самое время Дёрдльс, очнувшись от своего действительного или притворного летаргического состояния и заключив, что, вероятно, Джасперу может понадобиться его общество, направляется в потёмках к восточным склепам. Хорошо знакомый с местностью, которую ему не раз приходилось обходить в темноте, мрак, окружающий его, мало производит на него впечатления, и он проходит всё пространство, ни разу не споткнувшись.

Фонарь, поставленный Джаспером, продолжает гореть и, мерцая вдали как яркий маяк, благополучно проводит Дёрдльса через океан камней и разломанных могильных плит прямо к желаемой им гавани.

Подходя ближе, он кричит:

«Ой-ге, Мистер Джаспер!»

Но Дёрдльс не получает ответа и прямо направляется к фонарю, лучи которого освещают бесчувственно лежащую на земле массу, издающую прерывистое тяжёлое хрипенье, мерно повторяемое эхом.

³ Крипта – в средневековой западноевропейской архитектуре одно или несколько подземных сводчатых помещений, расположенных под алтарной и хоральной частями храма и служащее для погребения и выставления для почитания мощей святых и мучеников. Другое название крипты – «нижня» церковь.

⁴ Далее зачеркнуто: *осве*.

⁵ Далее зачеркнуто: *воздымаются*.

⁶ Далее зачеркнуто: *этой*.

Дёрдльс, не высказывая ни малейшего волнения перед этим странным зрелищем, выпускает лёгкий протяжный свист и попеременно бросает вопрошающие взгляды то на Джаспера, то на вынутую им плиту, то на чернеющее отверстие склепа.

«Дёрдльс мог позволить одурачить себя раз, – начинает он свой монолог, хладнокровно взирая на Регента, – но Дёрдльса *никому* не придётся одурачить дважды. Может, ты и хитер, – продолжает он, ткнув бесцеремонно распротёртое тело ногой, – да есть еще на свете такие же, как и ты, а может, что и похитрей еще найдутся».

И, опустившись на корточки, он начинает расталкивать бесчувственно лежащую массу, тряся его изо всех сил за ворот, как если бы то был мешок с орехами, и приговаривая:

«Ей! Ей! Ей-го!»

Тяжёлый вздох вырывается из груди Джаспера, он вытягивает ноги и руки и, открыв глаза, в которых всё еще светится ужас, он отрывисто спрашивает Дёрдльса:

«А? Что-что случилось», – и смотрит на него мутным взором.

«Именно-то это и спрашивает у себя Дёрдльс, да никак не сумеет ответить себе, – получает Джаспер в ответ. – Может, вы будете поумнее да расскажете Дёрдльсу?»

Голос последнего заставляет Регента опомниться, и он окончательно приходит в себя, но в ту же секунду к нему возвращается полное сознание всего случившегося.

Встав с помощью Дёрдльса на ноги, он живо осведомляется своим обычно нервным тоном, не заметил ли Каменщик третьего лица в подземелье?

Дёрдльс отвечает отрицательно и значительно заглядывает в открытый Джаспером склеп, как бы говоря: «А может это третье лицо *там?*»

Джаспер ловит значение этого взгляда налету и спешит объясниться:

«Знаете ли, Дёрдльс, что я чуть-чуть не убился?»

Дёрдльс молча кивает головой и ожидает, что будет далее.

«И если бы я сломал себе руки и ноги, то мне оставалось бы благодарить одного вас за это!»

И глаза Джаспера, говоря это, быстро и дико перебегают по всем направлениям, как бы страшась увидеть снова ужасное зрелище.

«Дёрдльс может и виноват, а может опять, что и вовсе он не виноват», – мрачно отвечает Джасперовский спутник.

«Конечно, что вы виноваты, – перебивает его Регент сердитым голосом. – Когда бы вы поменьше тянули из вашей бутылки, то я не был бы вынужденным отправиться один, без проводника, и не упал бы в эту адскую яму. Не знаю еще, – добавляет он, ощупываясь, – не сломал ли я себе чего-нибудь, – во всяком случае, падение мое на этот каменный помост оглушило меня, видно. На кой черт не заваливаете вы подобных мест?»

«Много лет и зим как исхаживаю я и днём и ночью все эти места вдоль и поперек и должно полагать, что все-то они у меня на счету. И однако же я вижу теперь перед носом у себя то, чего еще никогда не видал; значит, Дёрдльс знает об этой яме не больше вашего».

«Ну, этому трудно поверить, – возражает Джаспер. – Однако же мне лучше отправиться домой, я себя чувствую не очень хорошо вследствие этого падения. Только давайте заложим эту яму вдвоём... чтобы кому другому того же не случилось. Помогите мне, одному мне не было бы по силам поднять такую плиту и до падения, а теперь совершенно невозможно».

«Вот два года будет ровно, – продолжает рассуждать Дёрдльс, – как запер я эту часть “гостиной” на замок, и ключ не выходил из моего кармана с самого того времени; но будь я проклят, когда видал когда эту самую дырку откупоренной... Только уж Дёрдльс этого так не оставит... Нет, из-под земли да выкопает он всю истину этой штуки. “Костлявые” занимаются подчас такими проделками, но с другой стороны, бывает так, что и *не* занимаются... Как случится... а Дёрдльс думает наверное, что не “Костлявые” это сотворили».

Джаспер не отвечает. Заложив обоюдными силами склеп, они возвращаются прежней дорогой и выходят из подземелья.

«Надеюсь, что вы промолчите обо всём этом, Дёрдльс, – замечает Джаспер, выходя, – и не поднимете меня на смех. Мне было бы очень неприятно, если бы кто узнал о подобном глупом приключеньи со мною».

«Дёрдльса рот не из таких, что отворяется для болтовни с каждым дыханьем его, и Дёрдльс мешается только в свои собственные дела. Так нечего вам и опасаться, Мистер Джаспер».

Но тут разговор их прервался свистом летящего камня и визгливым восклицанием:

«Берегись!»

Хотя на дворе было очень темно, но ни один из них не мог ошибиться в этом голосе, и оба мгновенно сознали таинственное присутствие Депутата. Эффект, произведённый им на Дёрдльса, был незначителен; но зато на Джаспера, злоба которого удесятерилась вследствие ночного происшествия, сознание этого близкого соседства производит магическое впечатление. Мысль о том, что мальчишка этот видал его снова выходящим с Дёрдльсом из подземного склепа и в такой поздний час ночи, совершенно обезумила Музыкального Учителя, и он делает бешеный прыжок по направлению голоса. Внезапность этого неожиданного им нападения оказывается губительной для Чудовищного Младенца, который ловко пойман взбешенным джентльменом прямо за ворот, прежде чем тот успевает составить себе идею о его близком присутствии. Приподняв его высоко на воздух, Джаспер начинает потрясать им изо всех сил с самым диким чувством ярости, осыпая его свободной рукою целым градом ударов, несмотря на отчаянное сопротивление Чертова Младенца, который столь же бешено защищается, кусая Джаспера куда попало и разрывая на нём сюртук в лоскуты, несмотря на угрозы последнего убить его как собаку.

«Я обещал тебе, негодяй, – шипит Джаспер с пенящимся ртом, – что разорву тебя всего на мелкие тряпки, коль поймаю еще раз подсматривающим за мной! И теперь сдержу своё слово!»

И он яростно колотит его кулаком куда ни попадя.

«Пустите меня! – ревет мальчишка. – Пустите! Что я вам сделал, Джаспер? Режут! Ре-жут!» – завизжал он таким голосом, что крики его могли разбудить людей на две мили кругом.

Вероятно, мысль о подобной опасности и о могущем произойти через то скандале испугала Джаспера, который выпускает его из рук в ту самую минуту, как Депутат производит последнее яростное покушение высвободиться: вследствие сего «Младенец» отлетает на пять шагов расстояния, стукнувшись с глухим треском об землю. Полный симпатии⁷ Дёрдльс бросается к нему с смутным подозрением, что ночной погонщик его убит, но к изумлению сего почтенного джентльмена Депутат, вскочив на ноги и отбегая на приличное расстояние, начинает⁸ визжать:

«Заплатишь ты за это мне, Джаспер... погоди же!»

«Как ты смеешь, чертово ты отродье, следить за мною по пятам? А?»

И Джаспер снова делает наступательное движение.

«Врёшь! Врёшь! – рычит Депутат, как разъярённый зверь. – И не думал следить я за вами. И не троньте вы лучше меня в другой раз, не то я заставлю вас каяться!»

«Так чего же ты здесь шляешься ночью?»

«Я пришел только за ним, чтобы погнать его домой, – отвечает Младенец, указывая пальцами на Дёрдльса, который, стоя в стороне с самым каменным спокойствием после неудачной своей попытки помочь Депутату, готовится обедать из узла, невзирая на поздний час ночи. – И как я не мог напасть на его след да увидел свет из Кин-фри-драла, так и догадался, что это он сам, Дёрдльс, и есть. Я и не знал, что вы с ним, Джаспер, и *мотри*, не трогать меня опять», – продолжает он, нагибаясь поднять камень и вертя им в нерешимости, пустить ли им в голову врагу или нет.

Ответ этот, видимо, успокаивает Музыкального Учителя, который, не дав себе даже труда пожелать спокойной ночи спутнику, отправляется домой.

Может быть, то лишь одна игра воображения вследствие расстроенных его нерв[ов], но Джасперу несколько раз чудится на пути его к Дому у Калитки, что за ним раздаются легкие шаги; но всякий раз как он останавливается, чтобы прислушаться, – не слышно ничего более и всё тихо и безмолвно вокруг него. Успокоясь тем, что все это ему только кажется, он доходит до квартиры и запирается у себя.

Несколько минут после того как Музыкальный Учитель вернулся домой и только что блеснул из-за ставней его свет зажжённой лампы, как другая тень осторожно прокрадывается

⁷ Далее зачеркнуто: *к нему*.

⁸ Далее зачеркнуто: *визжать*.

через калитку и входит в дом. Тень эта продолжает так же неслышно направляться далее и, достигнув коридора со сводами, впускает себя посредством ключа в комнату Мистера Ричарда Дэтчери. Затем она зажигает свечу и оказывается самым седовласым джентльменом, который, скинув проворно платье, бросается в кресло с видом сильного утомления и адресуется к собственной особе со следующим заявленьем:

«Будь он проклят!»

После коего приятного пожелания неизвестно кому, он в продолжение двух минут молчит, уставив глаза в потолок, но тотчас же затем встает и, приготовляясь ко сну, продолжает:

«Для праздного холостяка, живущего на свои доходы, я крепковато так поработал да измучился. Осмелюсь прибавить даже, что чертовски измучился!.. Терпение все преодолагает... Скоро, скоро рассеется туман и многое объяснится... А счет с каждым днём округляется... Близок, очень близок он к концу. Даст Бог, и *итог* сведём!»

И с этими приятными надеждами холостяк тушит свечу и ложится спать.

Так кончается вторая памятная для Джаспера ночь с Дёрдльсом в подземных склепах Кафедрала.